

УДК 930.9

ББК 63.3(0)

Исторический опыт использования государствами «мягкой силы»: к итогам дискуссий

Ю.Г. Чернышов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Historical Experience of Using “Soft Power” by States: Results of Discussions

Yu.G. Chernyshov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматриваются итоги проведенных в 2017–2018 гг. на конференциях Алтайской школы политических исследований дискуссий о «мягкой силе». Характеризуются отдельные исследования по историческому опыту использования политики «мягкой силы». Особое внимание уделяется вопросу о том, насколько оправданы попытки применения к отдаленным историческим эпохам теории, сформулированной Джозефом Наем в конце XX в. Автор приходит к выводу о том, что данная концепция изначально не отличалась четкостью, а последующие интерпретации еще более размыли ее смысл. Это проявилось, в частности, в попытках найти в далеких исторических эпохах примеры использования и теоретического обоснования «мягкой силы». При этом «мягкую силу» нередко сводят к таким давно известным явлениям, как «гибкая политика», «культурное влияние» и «пропаганда». Но «мягкая сила» им далеко не идентична. Если говорить об «узком» понимании «мягкой силы», то она является феноменом, концептуально оформившимся лишь к концу XX в. Этот феномен отражает специфику именно данного этапа развития человеческой цивилизации: накопление на планете огромных запасов оружия массового поражения, глобализация и новые информационные технологии, возросшая роль негосударственных акторов международных отношений и т.д. Учитывая это, можно говорить об отдельных проявлениях политики «мягкой силы» в далеких исторических эпохах, однако в «узком» смысле концепцию «мягкой силы» уместнее применять к реалиям новейшей истории.

Ключевые слова: «мягкая сила», история, государственная политика, международные отношения, пропаганда, культурное влияние, имидж страны.

The article analyzes the results of the discussions about “soft power” held at the conferences of the Altai School of Political Studies in 2017–2018. The author characterizes the study of the historical experience of using the policy of “soft power”. Special attention is paid to the question of how justified are attempts to apply the theory formulated by Joseph Nye at the end of the 20th century to remote historical epochs. The author comes to the conclusion that this concept did not initially differ in clarity, and subsequent interpretations blurred its meaning even more. This was manifested, in particular, in attempts to find examples in the distant historical epochs of the use and theoretical substantiation of “soft power”. At the same time, “soft power” is often reduced to such well-known phenomena as “flexible policy”, “cultural influence” and “propaganda”. But “soft power” is far from identical to them. If we talk about the “narrow” understanding of “soft power”, then it is a phenomenon, conceptually formed only by the end of the 20th century. This phenomenon reflects the specificity of this particular stage of human civilization development: the accumulation of enormous stocks of weapons of mass destruction on the planet, globalization and new information technologies, the increased role of non-state actors in international relations, etc. Considering this, it should be said that it is possible to talk about individual manifestations of the policy of “soft power” in the distant historical epochs; however, in the “narrow” sense, the concept of “soft power” can be more appropriately applied to the realities of modern history.

Key words: “soft power”, history, state policy, international relations, propaganda, cultural influence, image of the country.

DOI 10.14258/izvasu(2019)2-15

Тема «мягкой силы» активно обсуждается последние два десятилетия в российской литературе (среди новейших работ см., например: [1–3]), причем все чаще можно встретить не только дискуссии по теоретическим вопросам, но и попытки сформулировать на этой основе практические рекомендации политикам. Все чаще исследователи обращаются к историческому опыту применения «мягкой силы» разными государствами, причем такие экскурсы иногда — как, например, в случае с Древним Китаем — уходят в глубину тысячелетней истории [4–6]. Все чаще высказывается мнение, которое, например в работе А. Габриеляна, формулируется так: «мягкая сила как историческое явление, существовавшее на протяжении практически всей истории государственного развития, встречается задолго до появления терминологического определения данного феномена» [7]. В этой связи закономерно возникают вопросы: насколько оправданы попытки применения к отдаленным историческим эпохам теории, сформулированной Джозефом Наем в конце XX в. [8], и насколько полезно бывает проведение исторических параллелей при выработке рекомендаций о политике «мягкой силы» в современном мире? Цель данной статьи — представить читателям итоги проведенных в 2017–2018 гг. Алтайской школой политических исследований (АШПИ) дискуссий, посвященных опыту использования «мягкой силы», с акцентом именно на исторические аспекты этой темы.

Сюжеты, близкие к теме «мягкой силы», затрагивались уже много раз на конференциях АШПИ, проводимых в Алтайском государственном университете с 1996 г. Более 10 лет назад началось систематическое обсуждение вопросов, связанных с взаимным восприятием стран и народов, с формированием международного имиджа страны и региона. Так, например, в 2007–2010 гг. обсуждались темы «Международный имидж России в XXI веке», «Роль российских регионов в формировании имиджа страны», «Роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона», «Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения». Проводились также конференции об информационных войнах в международных отношениях (2012 г.), о взаимном восприятии мигрантов и принимающего их общества (2014 г.) и т.д.

В 2017 и 2018 гг. были проведены две конференции по темам, непосредственно касающимся использования «мягкой силы». На первой из этих конференций обсуждалась тема «Имидж страны как фактор “мягкой силы” в международных отношениях» (подробнее см.: [9]). Вторая конференция была посвящена теме «Ресурсы “мягкой силы”: опыт использования государственными и негосударственными акторами». Согласно принятому в последние годы порядку сначала в апреле-июне проводились ин-

тернет-конференции, а затем в сентябре проходили «очные» дискуссии. Все статьи и доклады опубликованы в серийном издании «Дневник АШПИ» (по двум последним конференциям — в номерах 33 и 34). Это издание доступно не только на сайте школы, но и в библиотеке eLibrary [10]. Поскольку читатели имеют возможность ознакомиться со всеми текстами докладов и статей в оригинале, в данной статье мы остановимся подробнее лишь на нескольких работах, выводы которых имеют концептуальное значение для нашей темы.

На конференцию 2017 г. было представлено 30 докладов от авторов из 9 городов России (Барнаул, Екатеринбург, Кирова, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска, Читы) и пяти зарубежных стран (Армении, Казахстана, Канады, Китая и Таджикистана). Главной целью этой конференции было уточнение теоретических подходов к теме «мягкой силы». По итогам обсуждения участники вынуждены были констатировать, что понятие «soft power» довольно расплывчато по содержанию, причем в разных странах зачастую прибегают к его собственным интерпретациям, значительно отличающимся от той трактовки, которую первоначально давал Дж. Най. Если изначально в основе этого понятия закладывался принцип «привлекательности» (attraction), создания притягательного образа страны (с акцентом на культуру, политические ценности и внешнюю политику), а также на развитие сотрудничества на добровольной основе, то теперь все чаще под «мягкой силой» понимают «все, что не убивает», т.е. любые средства невоенного принуждения, включая разного рода манипуляции, экономическое давление, идеологические диверсии, хакерские атаки, пропаганду и т.д. Все чаще вслед за тем же Дж. Наем говорят и об «умной силе» (smart power), сочетающей мягкие и жесткие средства. Именно эти обстоятельства подсказали нам направление дальнейших исследований с акцентом на конкретные «национальные» практики политики «мягкой силы», в том числе и с обращением к историческим сюжетам.

Уже на конференции 2017 г. были представлены некоторые доклады по истории использования «мягкой силы» в различных странах. Попытку заглянуть в глубину веков предпринял, например, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений АлтГУ О.Ю. Курныкин, поставивший вопросы о том, насколько применима концепция «мягкой силы» к политике колониальных империй, и было ли им присуще сознательное использование этого ресурса во внешнеполитической практике. Как известно, одним из обоснований правомерности существования этих империй было утверждение о просветительской, «культуртрегерской» миссии цивилизованных наций в отношении отсталых народов. Пропагандировалась идея «общеевропейской солидарности», причем ме-

трополии отводилась роль источника мира, порядка, прогресса и культуры. Многие из этих имперских идеологов, кстати, живы и в современном мире [11]. Автор приходит к выводу, что те или иные проявления «мягкой силы» можно найти начиная с древних этапов истории, однако лишь в последних десятилетиях XX в. возникают условия для системного, концептуального осмысления и использования феномена «мягкой силы». Своеобразным продолжением рассмотрения этой «имперской» темы (со сходными выводами) стал и доклад П.В. Ульянова «Идея “содружества наций” в британской пропаганде периода Первой мировой войны».

Довольно интересный подход изложила и профессор С.В. Фоменко (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского), обратившаяся к истории Германии в период 1933–1939 гг. В политике Гитлера в эти годы, на ее взгляд, можно обнаружить явное стремление создать привлекательный образ новой Германии как «народного и миролюбивого государства» (ликвидация безработицы, подъем экономики, активная социальная политика, развитие туризма, спорта и т.д.). Разумеется, при формировании имиджа Германии широко использовались пропагандистские приемы, призванные закамуфлировать истинную агрессивную природу нацистского государства. Такие действия, конечно, не вполне вписываются в изначальный смысл понятия «мягкая сила», но они довольно очевидно перекликаются с современными трактовками «мягкой силы», встречающимися в некоторых авторитарных государствах.

Еще ряд сюжетов, связанных с историей, рассматривался в 2017 г. также такими авторами, как Д.М. Безнадельных, Н.С. Малышева, Т. Рокки, Н.Ю. Самойлов и др.

Следующая конференция, проведенная в 2018 г., предполагала еще большее смещение внимания исследователей от теоретических вопросов к конкретным трактовкам и конкретным практикам применения «мягкой силы» в разные исторические эпохи, разными акторами, в разных странах (подробнее см.: [12]). Организаторами этой конференции, кроме АШПИ, выступили Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки и Российский фонд фундаментальных исследований. По общей теме этой конференции поступило 47 докладов от авторов из 13 городов России (Армавир, Барнаул, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Калуга, Москва, Новосибирск, Омск, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Саратов, Томск) и пяти зарубежных стран (Армения, Казахстан, Канада, Китай и Таджикистан). Отдельная секция была посвящена теме «Опыт применения мягкой силы в международных отношениях до 1991 г.», од-

нако исторические экскурсы звучали также в докладах, представленных и на других секциях.

Если выстраивать обзор этих докладов по хронологии исторических сюжетов, то начать можно с доклада, который представил Лу Юй, аспирант Шанхайского университета иностранных языков (КНР). По его мнению, основу «мягкой силы» Китая составляет традиционная культура, пропитанная гуманистическим духом конфуцианства, буддизма и даосизма, а растущая в последние десятилетия экономическая мощь страны лишь подкрепила это «ценностное» влияние. Идея управления, основанного на моральных ценностях и нацеленного на построение гармоничного общества, проходит через многие века китайской истории. Эта идея, по мнению автора, должна помочь исправить имидж Китая, поскольку его нередко воспринимают как державу, готовую к экспансии с применением «жесткой силы». «Исправление искаженного образа Китая, — считает автор, — больше не может быть достигнуто за счет усиления его жесткой силы, но путем увеличения его мягкой силы». Зарождение китайского стиля «мягкой силы» можно отнести, по мнению автора, еще ко временам династии Чжоу (XI–III вв. до н.э.), однако и по сей день этот стиль способствует улучшению имиджа Китая.

Сюжеты эпохи Средневековья и Нового времени тоже рассматривались в некоторых докладах. Так, в докладе В.Н. Козулина и А.В. Щепетковой рассказывалось о раннем этапе развития отношений России и Франции и влиянии путешествий французских купцов на формирование образа России во Франции. В докладе профессора В.А. Должикова дипломатия Н.Н. Муравьева по отношению к цинскому Китаю характеризуется как соответствовавшая параметрам «мягкой силы»: к России без военных действий была присоединена «громкая территория общей площадью больше миллиона квадратных километров». Можно констатировать, что такое понимание целей и сфер применения «мягкой силы», включающее даже полководческие таланты (например, М.И. Кутузова), все чаще встречается в отечественной литературе (ср.: [13]).

Сюжеты, связанные с пропагандой в период Первой мировой войны, рассматривались в выступлениях О.А. Аршинцевой («Образ воюющей страны на политических плакатах: Британская империя и США в Первой мировой войне») и П.В. Ульянова («Образ России как “союзника” в британской пропаганде периода Первой мировой войны»). Здесь акцент был сделан на агитационных средствах, направленных на создание негативного образа противников и позитивного образа союзников в войне. Стоит обратить внимание, что «мягкая сила» выступает здесь уже как некое пропагандистское подспорье при проведении политики крайне жесткими, военными методами.

Несколько докладов были посвящены анализу сюжетов времен «холодной войны», когда в мире разворачивалось противоборство двух «образов жизни» — «капиталистического» и «социалистического», и когда каждый «лагерь» пытался представить себя с выгодной, привлекательной стороны. В докладе *А.М. Бетмакаева* характеризуется то, как в современной зарубежной историографии изучается использование культурной дипломатии в ходе «холодной войны». Конкретные примеры использования культурной дипломатии (в политике США в отношении социалистической Польши) проанализировала в своем выступлении *Н.С. Мальшева*. Профессор Национального исследовательского Томского государственного университета *О.Г. Лекаренко* показала, что уже с 1950-х гг. политика обмена ядерными материалами и технологиями в мирных целях стала практиковаться сверхдержавами как инструмент «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей. Наконец, в докладе доцента Марийского государственного университета *А.Е. Фоминых* (Йошкар-Ола) история публичной дипломатии США была рассмотрена с использованием обширного иллюстративного материала (на примере того, как воспринимались советскими людьми в 1959–1991 гг. проводившиеся в СССР американские выставки). Данные материалы показывают, что эти выставки, ставшие своеобразным «прорывом железного занавеса», оставили весьма яркие впечатления у очевидцев, и это влияние пока еще недооценено историками и политологами, исследующими феномен «мягкой силы».

Можно отметить еще некоторые доклады, где затрагивалась тема истории использования политики «мягкой силы». Так, *Н.Ю. Самойлов* выступил с докладом «Великобритания и Содружество Наций в 1949–1982 гг.: отдельные аспекты реализации политики мягкой силы». *В.Е. Дергачева* рассмотрела вопрос о соотношении информации и пропаганды в американских СМИ в период Вьетнамской войны. Заведующий кафедрой востоковедения АлтГУ *Д.А. Глазунов* охарактеризовал взгляды китайского политика Сун Ханьяна на этнические проблемы Синьцзяна (конец 1960-х — начало 1990-х гг.). Главный специалист Фонда «Бюро экономического анализа» *И.М. Юн* (Москва) представила интересный экскурс в историю использования «мягкой силы» в противостоянии двух государств Корейского полуострова. Эти выступления и доклады других авторов — *О.В. Вольтер*, *Г.П. Григоряна*, *Т.Л. Дейч*, *А.В. Сковородникова*, *Х.М. Турьинской*, *Ю.Н. Цыряпкиной* и других — существенно дополнили картину реальных практик применения политики гибкого влияния в разных странах.

Для понимания того, как трактовки истории связаны сейчас с различными концепциями «мягкой силы», представляет интерес доклад главного специалиста Научного отдела Российского военно-

исторического общества *К.А. Пахалюка* (Москва). Для России, по его наблюдению, «обращение к прошлому является сегодня ключевым способом морального обоснования места России на международной арене как великой державы», причем центральное место занимает история Великой Отечественной войны. Однако эффект от этого не всегда просчитывается: «действительно ли зарубежная аудитория желаемым образом воспринимает предлагаемые интерпретации (а не рассматривает, например, акцент на военных победах как проявление милитаризма)?». В данном случае автором совершенно справедливо ставится вопрос о необходимости учета различий «адресных групп»: то, что достаточно эффективно продвигается пропагандой на «внутреннюю» аудиторию, может быть воспринято совсем не как «мягкая сила» аудиторией внешней.

В целом, в определенных кругах сейчас возобладало понимание «мягкой силы» лишь как эфемеризма менее респектабельной, но более привычной пропаганде. Так, один из современных авторов пишет, что России необходимо выработать собственный уникальный российский концепт «мягкой силы» (отличный от «архаичного» западного), включающий проведение различных мер информационного, рекламного и пропагандистского характера, направленных на улучшение международного имиджа государства [14]. Кстати, авторы вышедшей в Екатеринбурге монографии о «мягкой силе» отмечают распространение мнения о том, что американский концепт «мягкой силы» является проводником стратегии «цветных революций»; между тем, по их мнению, ставить знак тождества между понятием «soft power» и «цветная революция» — «по меньшей мере, большое заблуждение» [1, с. 339].

Еще об одном аспекте в понимании истории использования «мягкой силы» сказал в своем выступлении на интернет-конференции 2018 г. ведущий научный сотрудник Института Африки РАН *В.Р. Филиппов* (Москва), анализировавший политику некоторых держав в Африке. «Мягкая сила» в реальной политике, по его образному сравнению, нередко выполняла функцию «занавески, за которой скрывают пулемет». Таким образом, можно говорить и о таком понимании «мягкой силы», в котором на первом месте стоит ее «камуфлирующая» функция. Иногда в отечественной литературе ставится и вопрос о том, насколько «мягкая сила» культуры может использоваться как инструмент сохранения мощи «жесткой силы» [15]. Кстати, и в зарубежной литературе тоже встречаются весьма скептические высказывания о политике «мягкой силы»: так, известный британский историк *Нил Фергюсон* сравнивал ее с бархатной перчаткой, скрывающей железную руку [16]. Таким образом, получается, что «мягкая сила», согласно многим интерпретациям, может использоваться практически

во всех сферах (в том числе и при ведении военных действий) и с любыми целями — все зависит лишь от намерений акторов, ее использующих.

Итак, подводя итоги этому краткому обзору высказанных мнений, можно сделать следующие выводы. Сформулированная Дж. Наем в 1990-е гг. концепция «мягкой силы» изначально не отличалась четкими научными определениями, а многие последующие ее интерпретации еще более размыли первоначальный смысл. Это проявилось, в частности, в попытках найти в далеких исторических эпохах не только примеры использования «мягкой силы», но и примеры теоретического обоснования данной концепции. Более того, «мягкой силой» считают нередко и такие способы воздействия, которые применялись различными авторитарными и агрессивными режимами для «камуфлирования» завоевательных планов или для оправдания уже совершенной экспансии. В этих условиях «мягкую силу» фактически сводят к таким давно известным явлениям, как «гибкая политика», «культурное влияние» и «пропаганда». Разумеется, изучать эти явления в истории надо, но совсем не обязательно при этом на-

зывать их «мягкой силой», поскольку «мягкая сила» далеко не всегда им идентична. Что же касается «узкого» понимания «мягкой силы», в котором ее описал Дж. Най, то она все же является, на наш взгляд, феноменом, концептуально оформившимся лишь к концу XX в. Этот феномен отражает специфику именно данного этапа развития человеческой цивилизации. Именно теперь накопление на планете огромных запасов оружия массового поражения окончательно обесмыслило неограниченное применение «жесткой силы». Именно сейчас глобализация и новые инновационные технологии резко повысили роль невоенных методов разрешения конфликтов. И именно сейчас в усложнившихся международных отношениях все большую роль начинают играть не только государства, но и самые различные негосударственные акторы. Учитывая это, по-видимому, можно говорить об отдельных проявлениях политики «мягкой силы» в далеких исторических эпохах (от древности до нового времени), однако в «узком» смысле концепцию «мягкой силы» уместнее применять к реалиям новейшей истории.

Библиографический список

1. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015.
2. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. №3 (54).
3. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. 2-е изд. М., 2018.
4. Раднаева В.В. Концепция мягкой силы в политической культуре Китая // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1.
5. Тарабарко К.А. Мягкая сила культуры Китая (концептуальное содержание и практики реализации) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017.
6. Сачко Г.В., Чистенкова В.В. «Мягкая сила» внешней политики Китая. История и современность // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : материалы IV Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2017.
7. Габриелян А. История возникновения и развития концепции «мягкой силы»: применимость на евразийском пространстве // Центр стратегических оценок и прогнозов [Электронный ресурс]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konceptcii-myagkoj-sily-primenimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436> (дата обращения: 14.01.2019).
8. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
9. Чернышов Ю.Г. Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность (итоги интернет-конференции) // Известия Алтайского гос. унта. 2017. № 5 (97). DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2017\)5-32](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)5-32).
10. Дневник Алтайской школы политических исследований / под ред. Ю.Г. Чернышова (Дневник АШПИ) [Электронный ресурс]. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints.html> (дата обращения: 14.01.2019); URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=37577> (дата обращения: 14.01.2019).
11. Харитоновна Е.М., Прохоренко И.Л. «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 3.
12. Чернышов Ю.Г. Метаморфозы «мягкой силы»: к итогам дискуссии // Дневник АШПИ. 2018. № 34.
13. Наумов А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Перспектива. 30.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (дата обращения: 14.01.2019).
14. «Мягкая сила» М.И. Кутузова — уроки военной тактики и дипломатии // Духовно-нравственное воспитание. 2017. № 2.
15. Корабельников А.А., Соловьев А.А. «Мягкая сила» культуры как инструмент сохранения мощи «жесткой силы» // Вестник Сибирского отделения Академии военных наук. № 48. 2018.
16. Ferguson. N. Colossus: The Price of America's Empire. N.Y., 2004.